

ЛИЯ ДЖИ

ДНЕВНИК
ВЕРЫ

18+

Лия Джи

Дневник Веры

<https://litres.ru/73849283>

SelfPub; 2026

Аннотация

Случайная находка — дневник юности — заставляет Веру вернуться к прошлому, от которого она долго старалась убежать. На этих страницах девушку ждет история любви, определившая ее жизнь и разбившая на осколки. Путь от романтических иллюзий — к жесткому миру взрослых потерь. И ей придется пройти его еще раз, чтобы понять, готова ли она отпустить то, что случилось двадцать лет назад.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дневник Веры

Пролог

Старый дом затаил дыхание. Казалось, он медленно, с тихим и протяжным стоном, выдохнул вместе со мной, когда я переступила его порог. Безжизненный, опустошенный до самого своего нутра, дом утратил ту самую кипящую, хаотичную энергию, что рождается из мириад мелочей — неуловимых и трепетных свидетельств бытия. И только оказавшись внутри, я поняла, что он напоминал выцветший снимок из старого альбома, где контуры реальности расплылись, оставив призрачный отпечаток ушедших дней. Дом уже больше полугода пустовал.

В застывшем воздухе, рассеянном косыми лучами заката, медленно кружилась пыль, поднятая моими неловкими шагами. И в ней стоял густой, осязаемый запах — затхлый аромат, въевшийся в стены, пол и саму «ткань» этого пространства. Будто бы дом имел свою память и не хотел ничего забывать.

Переезд после смерти мамы и очередное расставание стали плодом моей отчаянной попытки вновь отринуть прошлое — которое оказалось невыносимо громким в своей давящей тишине. Я твердила, заученно и безжалостно, что это

не бегство с поля боя и не капитуляция, а попытка начать новую главу.

Убеждала себя, что стенам, впитавшим столько смеха и слез, шепотов и молчаливых взглядов, не стоит превращаться в склеп — пожизненную темницу для души, отчаянно жаждущей забвения. И я решила, что половина маминых вещей переедет со мной в квартиру.

Поэтому оказалась в подвале ее дома, который она купила для себя, мечтая встретить в нем старость. Но внезапная болезнь не дала этому свершиться и рано забрала маму. Никогда не знаешь, в какой момент наступит твой час икс.

Для меня это место стало последней цитаделью, финальным рубежом обороны, где минувшее отчаянно и яростно цеплялось за зыбкую почву настоящего, не желая отпускать свою пленницу.

Крошечное окно в подвале, затянутое паутиной и грязью, напоминало экран старого телевизора, сквозь который с трудом пробивался призрачный, угасающий свет осеннего дня. Он ложился неровным пятном, словно луч прожектора на пустой сцене, и выхватывал из сгущающегося мрака силуэты забытых свидетелей иной жизни — хрупкие сокровища прошлого, которые часто прячутся в подобных местах.

Мой взгляд остановился на маленьком, потертом временем чемоданчике. Я сразу его узнала. Он был сшит из кожи, которая когда-то, должно быть, имела теплый шоколадный оттенок, а сейчас поблекла и пошла трещинами. Этот

«тайник» сопровождал меня с самого детства — единственная вещь, оставшаяся от дедушки. В нем хранилось все, что в разные моменты моей жизни казалось особенно важным. Когда-то я перестала пользоваться им по назначению, потому что...

Впрочем, неважно. Однажды я отдала его маме. А она оставила чемоданчик среди полок с овощными и ягодными закрутками. Будто надеялась, что когда-нибудь он мне все-таки понадобится, а потому положила на видное место, хоть и в подвале.

Я подошла ближе и, не раздумывая, открыла его. Ржавый замок поддался, издав негромкий, усталый щелчок — словно терпеливо ждал этого мгновения. Внутри, поверх хаотичной груды пожелтевших конвертов с засушенными листьями и аккуратной стопки поздравительных открыток, покоилась она. Та самая обыкновенная школьная тетрадь в блеклой бежевой клеенчатой обложке на пружине, без рисунков и украшений. Но для меня она была самым надежным сейфом, в котором хранился немыслимо драгоценный и хрупкий клад — осколки моей собственной души.

Я извлекла ее с благоговением, будто прикасалась к святыне. Сердце, до этого бившееся ровно и едва слышно, внезапно сорвалось и заколотилось в груди тревожной, гулкой дробью.

«Мой дневник», — гласила первая страница. Эти слова были выведены моим же почерком — неуверенным, разма-

шистым, юным, но полным скрытой силы и неугасающей надежды.

Я медленно опустилась на прохладный каменный пол, прислонившись спиной к шершавой бетонной стене. За окном догорал день, заливая подвал прощальными багровыми и золотыми оттенками, окрашивая пыль в цвет расплавленного янтаря. Пальцы сами нашли нужную страницу.

Чернила, когда-то ярко-синие, выцвели и слегка расплылись. Но слова будто остались живыми. Они кричали от восторга, смеялись до слез и шептали свои тайны. И принадлежали, казалось, другой девушке — той, что не знала, какие тучи сгустятся над ее горизонтом и бури, что перевернут аккуратный и хрупкий мир.

«6 ноября, 2004 год...» — гласил заголовок одной из записей в дневнике.

Я крепко зажмурилась, отдаваясь воле мощной волны ностальгии, что поднялась из глубины сознания и накрыла с головой, унося меня из настоящего в водоворот прошлого. Поздняя осень две тысячи четвертого. Воздух, пахнущий прелыми листьями. Резкий скрип велосипедных тормозов. И это всепоглощающее, головокружительное и сладкое чувство полного безумия.

Воспоминания вернулись ослепительно яркой вспышкой — острой до боли и щемящей нежности. Одна слеза скатилась по щеке. Потом вторая, оставляя влажные дорожки, словно следы на песке. Я собиралась начать новую страни-

цу истории жизни. И так отчаянно этого хотела. Но судьба, явившаяся в облике дедушкиного чемоданчика и моего дневника, с безжалостной иронией подсунула мне самую важную главу собственной повести.

Похоже, мне предстояло перечитать эту историю. Найти злосчастный изгиб сюжета, где все покатилося под откос. Или, напротив, убедиться, что каждый миг, слово и чувство неизбежно вели именно сюда, к этой точке, как и было предначертано. И хотя бы на мгновение услышать далекое, но удивительно ясное эхо прошлого — того, что цепкими лапами ухватилось за меня и не желало отпускать.

Глава 1

Ноябрь в Северной столице — это не просто смена календаря, а особенная меланхоличная симфония. Он пахнет горьковатой свежестью мокрого асфальта, который никогда не успевает просохнуть. А еще неизменно несет в себе эфемерное, ускользающее обещание чего-то грандиозного и нового.

Для Веры Соколовой, четверокурсницы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, это обещание ежедневно разбивалось об утомительную реальность. Она жила семинарами и лекциями по старославянскому с его ятями и юсами и вечной необходимостью подрабатывать, чтобы не обременять маму и хоть как-то обеспечивать себя. По выходным Вера погружалась в мир ученических тетрадей по русскому языку одной вечерней школы, пока остальные отдыхали.

Эта суббота, одна из серых петербургских, не предполагала исключений. Девушка мчалась по Университетской набережной, пытаясь отвоевать у времени лишние минуты и не опоздать на пару. В одной руке сжимала новенький томик Пелевина — еще пахнувший типографской краской, купленный в «Буквоеде» — ее маленькая, недешевая попытка сбежать в постмодернистские миры. В другой — теплый, за-

потевший стаканчик кофе «с собой», который служил топливом для измотанного мозга, наперевес с женской сумкой. И время от времени поправляла любимые красный берет и шарф, которые связала сама.

В дешевых проводных наушниках, плотно вставленных в уши, ее старый плеер надрывно проигрывал песню «Зверей» «До скорой встречи», заглушая рев города. Но даже эта звуковая стена была бессильна перед ее внутренней тревогой — постоянной спутницей любого студента: времени всегда катастрофически мало, денег не хватает, знаний недостаточно, а страх отчисления из-за любой ошибки не отступает.

Именно в этом состоянии спешки случилось непредвиденное. Прямо из тумана, плотной серой дымки, что всегда висит над набережной, вынырнуло что-то темное и стремительное, как мгновенный мираж. Вера, отшатнувшись, от неожиданности попыталась отпрыгнуть назад, но запуталась в ногах. Итог — до слез неловкий пируэт: из рук выскользнули и Пелевин, и стаканчик. Густая бежевая жидкость с молоком и сахаром веером расплескалась по ее новому светлому пальто. Купленное на первые честно заработанные деньги с проверки тетрадей и потому имевшее для нее большую ценность.

— Да блин! — вырвалось у Веры.

Незнакомец резко затормозил, а затем спрыгнул с велосипеда — черного, потрепанного, без лишних изысков. Им оказался молодой человек на вид двадцати лет и выглядел

неожиданно высоким. Длинные, худые ноги в джинсах, протертых на коленях, черная куртка нараспашку, будто ему всегда не до застегнутых молний, и серая футболка с выцветшим принтом «КиШ». Лицо — угловатое, с острыми скулами и квадратным подбородком. А взгляд насмешливый, чуть прищуренный, такой, будто незнакомец сразу видел людей насквозь. Парень не был классическим красавцем, как подметила для себя Вера, но имел тот редкий тип внешности, который запоминается надолго.

— Прости, — произнес наконец незнакомец. Его голос был низким, немного хриплым.

Парень поднял промокший томик Пелевина, небрежно отряхнул страницы и, заметив название, усмехнулся.

— «Священная книга оборотня»? Серьезно? — он покачал головой с наигранной серьезностью. — Чистой воды постмодерн в действии. Столкновение текстуальности и реальности.

— Рада, что ты читал. Отдай! — Вера выхватила книгу, ощущая, как ее лицо вспыхивает румянцем — смесь злости на незнакомца и неловкого смущения от собственной неуклюжести. — Еще скажи, что это я во всем виновата.

— Виноваты обстоятельства, — сказал он философски, пробежавшись по девушке оценивающим взглядом, от которого Вера невольно почувствовала себя героиней романа, впервые представленной читателю. — Ты была в своем аудиоплене, — он указал на ее ухо, — А я — в потоке соб-

ственного движения. Столкновение наших миров было неизбежно.

Вера не заметила, что от резких движений один наушник выпал и безвольно повис на плече. Незнакомец говорил без заискивания и вежливых извинений. Вел себя так, будто они оба — Вера Соколова и он — были двумя ключевыми персонажами какого-то абсурдного, но захватывающего спектакля, поставленного в осенних декорациях Петербурга.

— Александр, — произнес он, протягивая ладонь. На ней лежала белоснежная визитка: «Александр Н.», и ниже — мобильный номер. Ни фамилии, ни профессии, ни адресов. Загадка на маленьком картоне.

— Вера, — пробормотала она, нехотя беря карточку. — и зачем-то добавила: — Филфак. — а после небольшой паузы с обидой сказала: — И ты испортил мне пальто, которое теперь нужно как-то отстирать.

— Пальто отмоется, Вера. А впечатление останется, — усмехнулся Александр с едва заметным прищуром. Его взгляд скользнул по ее мокрому лицу, задержался на глазах. Это вызвало у девушки острое чувство смущения и внезапной настороженности. — Я возьму ущерб. Сегодня вечером. У «Книг и кофе» на Грибоедова. В семь.

Он не спросил, сможет ли она; не предложил варианты — просто констатировал факт, словно отдал приказ. Затем резко вскочил на велосипед и растворился в вязкой серой дымке, оставив Веру с мокрым пальто, испачканной обложкой и

загадочной визиткой — ключом в таинственную реальность.

На лекцию девушка, конечно, не попала. Тревога сменилась навязчивой идеей вернуться в общежитие на Васильевском, чтобы спасти дорогую вещь. А преподаватель простит, ведь она еще с прошлого года была у него на хорошем счету.

Комната Веры, номер триста пятнадцать, находилась на третьем этаже общежития, рассчитанная на троих. Само здание казалось переполненным ковчегом, трещавшим по швам от чужих жизней и запахов: вареная гречка, дешевый порошок и сигаретный дым.

В той самой комнате витала своя драма. Соседки — Настя и Света — сидели на койках, уткнувшись в конспекты. Они разделяли стремления Веры быть прилежными студентками, а потому брали с нее пример и в выходные готовились к грядущим семинарам. Настя, будущая экономист, прагматичная и скептическая, подняла голову:

— Вера! Ты чего так рано? Вроде же пошла на Старославянский. — Она уставилась на пальто. — Что с тобой?

Света, историк и вечный романтик, вскочила, отложив тетрадь, заметив растерянность Веры.

— Ох, Верка, кто это сделал? Это же твой новый, бежевый! — Света сразу же принялась за психологический разбор. — Наверняка какое-то судьбоносное столкновение! Рассказывай! Ой! Надеюсь, на тебя не напали...

Настя фыркнула, не отрываясь от конспектов.

— Забудь, Свет. Она нам опять ничего не говорит. Как начала подрабатывать, так и молчком с нами. — и махнула рукой в сторону своей тумбочки. — Возьми мой таз, застирай пятно водой с уксусом, пока окончательно не впиталось.

— Да чего там рассказывать, — с досадой ответила Вера, поняв, что действительно стала меньше общаться с соседками. Хотя еще полгода назад они делились всем подряд. — Столкнулась с одним идиотом и разлила кофе. Вот и вся история.

Она сняла пальто и бросила в таз, набирая горячую воду в раковине их малюсенькой кухоньки; движения девушки были нервными. Она хотела избежать темы таинственного Александра на велосипеде, но Настя заметила ее молчание: у той был талант вскрывать тайны как сейф.

— Секундочку. «Идиот»? — Настя подошла к соседке, прищурилась и ткнула пальцем в ее руку. — Ты там что-то прячешь.

Вера сжала кулак: в нем она держала тот самый маленький белый картон. Уже поздно — соседки в один голос потребовали доказательств. Она вздохнула и разжала пальцы, показывая визитку, которая казалась абсурдно таинственной. А потом все-таки рассказала всю историю столкновения.

— Это он оставил. Сказал, что возместит ущерб, — проговорила Вера и передала карточку соседкам.

Света ахнула, как перед увиденным священным реликтом.

— «Александр Н.»! Без фамилии! Загадка, Вера! То ли нелегальный антиквар, то ли поэт-декадент, то ли аспирант-философ, считающий себя выше условностей. Он тебя очаровал, признайся!

— Очаровал? — отрезала Вера. — Он обозвал книгу Пелевина «постмодерном в действии» и вел себя так, будто мы персонажи спектакля. Самонадеянный и невоспитанный.

Настя, посмотрев на номер в карточке, покачала головой.

— А я думаю, он просто умный. Не «позвоню — подумую», а сразу: место и время. «Книги и кофе» — уже заявка на интеллект. Там же собираются все сливки литературной тусовки.

Обе посмотрели на Веру так, будто требовали: «Не смей упустить эту историю!» В их мирах, где романтика была роскошью, этот «Александр Н.» выглядел как «тот самый» сюжет.

Вера буркнула соседкам: «Подумую». А затем вернулась к тазу и пальто. Она пыталась отстирать пятно, но на самом деле отчаянно старалась стереть из памяти образ незнакомца. Рассудок, дисциплинированный и педантичный, воспитывавшийся на классике и четкой логике, кричал, что с людьми из «тумана» шутки плохи. Но где-то глубоко шептал другой голос: «А что, если это и есть та самая настоящая история? Тебе не надоело быть просто Верой Соколовой из комнаты триста пятнадцать, с жизнью, расписанной по полочкам?» В конечном итоге этот шепот оказался сильнее до-

водов разума.

Ровно в семь вечера Вера стояла под холодным светом фонаря у витрины «Книг и кофе» — уютного островка интеллигентного тепла. Она нервно теребила ремешок сумки, осознавая: это не свидание по правилам, а смелый прыжок в неизвестность. Которая, возможно, окажется намного запутаннее самых замысловатых романов. Любопытство взяло верх. Пусть пальто станет лишь предлогом — на самом деле она шла за ответами не только от Александра, но и от себя самой.

Он появился так же внезапно, как и в первый раз, однако уже пешком и выйдя из-за угла здания. Руки держал в карманах джинсов и был в той же черной куртке, но теперь застегнутой. А за плечами висел рюкзак. В свете фонаря в глазах Александра заблестели зеленоватые искорки.

— Привет, Вера с филфака. Я был уверен, что ты такое не пропустишь. — улыбнулся он. — Пойдем, но не в помещение. Кофе, конечно, здесь приличный, но вид лучше в другом месте.

Он снова не спросил — просто повел, и Вера, к собственному удивлению, последовала. Они свернули с канала Грибоедова и через несколько минут оказались в одном из тех дворов-колодцев, спрятанных за арками: пустом, освещенном лишь одиноким фонарем, с дрожащими тенями. В углу у стены стояла старая деревянная лавка. Александр достал

из рюкзака термос.

— Глинтвейн, — пояснил он, наливая густую ароматную жидкость в крышку. И протянул Вере. — Собственного приготовления. Холодно уже.

Она осторожно взяла импровизированный стакан; их пальцы чуть соприкоснулись. И сердцебиение девушки сразу участилось.

Они несколько минут сидели на лавке, в наступающей тишине двора, и пили глинтвейн с корицей и апельсином. Вере понравился терпкий и цитрусовый вкус.

— Так кто ты, «Александр Н.»? — спросила она. — Студент-архитектор? Поэт? Антиквар? Философ?

Он тихо рассмеялся. Его смех напомнил мультяшный и скрипичный звук.

— Политолог, — ответил он, глядя на пар над термосом. — Будущий, если доучиться. А Н. — фамилия, Никитин. Не стал писать полностью, слишком официально.

— Политолог? — она не скрыла удивления. — Непохож ты на тех в галстуках и с дипломатами.

— Разочарована, — хмыкнул он. — Да, я не из них. Я больше по части волшебников. Смотри. — Он достал из рюкзака фотоаппарат, быстро щелкнул со вспышкой. Затем указал на штукатурку стены, где фонарь выхватывал облупившийся рельеф. — Видишь тень от карниза, ветка — и получается профиль спящей кошки. Недавно заметил. Уже

который вечер появляется. А никто, кроме нас, такое и не заметит. Людям обычно все равно.

Вера всмотрелась и улыбнулась: в очертаниях действительно угадывался силуэт животного. Похоже, Александр умел превращать обыденность в игру.

— Так вот зачем тебе визитка. Ты фотограф, получается? — догадалась она.

— Виновен. Периодически подрабатываю. Хотя начиналось как хобби. А ты? — спросил он и повернул колени в сторону Веры, коснувшись ее ног. — Что делает девушка с Пелевиным, когда не бежит на пары?

И она рассказала. Сначала про проверку школьных тетрадей, а потом вдруг поделилась тем, о чем знала только мама. Что хотела создавать тексты, похожие на этот вечер — теплые и оставляющие след. И иногда чувствовала себя призраком в собственном городе, видящим всех, но сама как невидимка. Поэтому создала небольшой блог на ЖЖ, где делилась разными мыслями. Но маму не интересовала ее деятельность, кроме самой учебы и подработки, поскольку та считала такого рода увлечения несерьезным занятием.

— Ты не призрак, — тихо произнес он со всей серьезностью. — Они так не горят изнутри. И не краснеют, когда злятся. А ты сейчас выдала настоящий спектр эмоций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.